

—• РЕТРОДЕТЕКТИВ •—

**ИРИНА
ЛОБУСОВА**

**ТЕНЬ
«РАЙСКОГО САДА»**

Харьков
«ФОЛИО»
2018

Одесса, конец марта 1936 года

ГЛАВА 1

Черный автомобиль с потушенными фарами завернул с Садовой на Соборную площадь, двигаясь очень тихо и медленно, словно на ощупь. Ночь была абсолютно безлунной. Только кое-где, под тусклым ночным фонарем, полурастаявшие полосы снега бросали белесоватый отблеск на мостовую, словно сожалея о том, что наступает весна, и этот призрачный снег, еще недавно сковывавший застывшую ночь льдом и морозом, постепенно исчезает.

Абсолютная тишина казалась объемным телом. Такая тишина бывает только в очень морозные, снежные ночи, когда весь мир словно спит. Однако

снег уже почти весь растаял, и температура выше нуля отчетливо чувствовалась в воздухе. Тишина же была просто звенящей. И редкие выхлопы автомобиля громким взрывом звучали даже несмотря на то, что мотор работал на самой низкой скорости.

Повернув, машина покатила по старинной брусчатке, неуклюже перекатываясь по булыжникам. Слева возвышался собор. Его мрачная громада словно нависла над городом, закрывая всю площадь. И, несмотря на безлунную ночь, тень от собора накрыла землю, как покрывало из черного бархата, погребая под собой здания, мостовую, автомобиль и находящихся в нем людей.

— Этот дом? — Водитель, белобрысый молодой парень, полуобернулся к двум мужчинам постарше, сидящим на заднем сиденье. Те хранили угрюмое молчание, глядя прямо перед собой.

Один из них был в надвинутой почти на глаза фуражке. Плотный козырек почти полностью скрывал лицо. По всей видимости, сделано это было специально. Несмотря на то что фуражка явно доставляла ему определенные неудобства, он не собирался ее сдвигать.

— Сказано тебе было... Папудова, — отозвался второй, без фуражки, с обветренным, уставшим, заросшим недельной щетиной лицом. На нем была военная форма, но без погон, в то время как его

спутник был в офицерском пальто из темной шерсти, застегнутом на все пуговицы, опять-таки, без опознавательных знаков.

— Так вы сказали, как с улицы завернем, дом напротив собора! — весело отозвался парень, сохранявший отличное расположение духа, несмотря на поздний ночной час и мрачные, напряженные лица своих пассажиров.

— С другой стороны, деревня, — презрительно бросил мужчина в форме, — самый знаменитый дом Одессы знать надо.

— А по мне — так один хрен! — хохотнул парень, но тут же осекся, почувствовав напряжение, повисшее в воздухе.

— Давно в городе? — Глухой голос мужчины в фуражке прозвучал неожиданно и вроде бы спокойно, просто внушительно, но было в нем нечто такое, от чего парень за рулем буквально задохнулся, чувствуя поползшие вдоль спины мурашки.

— Второй месяц... — дрожащим голосом отозвался он, разом растеряв и жизнерадостность, и бодрый, веселый тон.

И вдруг стало понятно, что сейчас три часа ночи, город застыл, словно оцепенев по приказу невидимого, но очень страшного командира, а автомобиль с потушенными фарами, проезжающий в тени огромного каменного собора, — знак беды, имя которой «страх».

— Извините... карту просто изучил плохо... — почти шепотом добавил водитель, напряженно сжав руль.

Страшный пассажир больше ничего не сказал. Тень от собора стала отчетливей: тусклый уличный фонарь, со скрипом раскачиваясь на ветру, высветил величественные каменные стены и высокую колокольню, острым шпилем уходящую прямоком в небо.

— Говорят, церковь не всю разобрали... Кладка прочная. — Человек в военной форме повернулся к своему соседу. — Надо бы наряд поставить... Хоть по ночам...

— Зачем? — Повернув голову, мужчина в фуражке уставился на собор, затем резко отвернулся.

— Говорят, огни видели... Как будто по церкви кто ходит. Значит, по ночам надо бы охранять. — Военный заискивающе смотрел на своего спутника, в котором за версту можно было разгадать большого начальника.

— И я слышал, — встрял в разговор шофер, который уже забыл, что надо бояться. — Народ говорит, что в закрытой церкви всегда есть блуждающие огоньки! Это не к добру.

— Сидел бы ты в своей деревне и не высывался! — в сердцах отозвался военный, которого вдруг стало раздражать абсолютно все.

— Останови. Напротив входа, — скомандовал старший. Автомобиль замер у обочины, напротив деревянных дверей собора, запертых на висячий амбарный замок.

— Смотрите! — вдруг воскликнул шофер. — Ну, что я говорил! Колокольня!

На самом верху, в узкой прорези каменного окошка мелькнул, дрожа, тоненький огонек, словно пламя свечи, колыхнувшееся от порыва ветра.

Зрелище было страшным. Рука парня за рулем инстинктивно дернулась вверх. Но, вовремя сообразив, что перекреститься будет намного страшней, чем увидеть призрак, он сделал вид, что поднял ее для того, чтобы поправить зеркало в автомобиле. Скользя пальцами по поверхности зеркала, водитель быстро опустил вниз дрожащую руку. Он моментально взмок, осознав страшную беду, в которую едва не попал — в компании таких пассажиров крестное знамение, даже сотворенное произвольно, означало смерть.

— Мародеры шуруют, — начальник в фуражке даже не шелохнулся, — находят щель. Стройматериалы воруют. Камни, доски. Щебень, опять же.

— Пугнуть бы, — отозвался военный, — пару раз по окнам пальнуть!

— Я тебе пальну! Весь город разбудишь, — начальник зло зыркнул на него темным глазом, с угрозой блеснувшим из-под фуражки, — дело сорвешь.

— Я это... того... предложил просто, — перепугался военный, — мародеров пугнуть. Шастают ведь.

— Ну и пусть шастают, — начальник пожал плечами, — не время и не место. Все равно в старой церкви больше ничего нет.

Было как-то странно называть величественный огромный собор старой церковью. И, словно с укором, отозвавшись на несправедливые слова, тусклая лампа на электрическом столбе, качнувшись, снова высветила высокий шпиль колокольни, тонувший в ночной черноте.

Огоньков больше не было. Темные впадины разбитых окон напоминали гнилые зубы во рту столетнего старика, являя зрелище жестокости времени и опустошения.

— Никого там нет. Показалось. Поехали дальше, — скомандовал начальник, надвинув фуражку на глаза еще глубже.

Автомобиль снова тихо заурчал и тронулся в темноту, следуя за изгибом пустой дороги, ночью похожей на спокойную полноводную реку с недвижимой ветром водной гладью.

Остановился он возле второго подъезда.

— Планшет, — коротко скомандовал начальник, и военный тут же подал ему кожаный планшет, лежащий сбоку на сиденье. Откинув крышку, мужчина принялся рассматривать лежащие в нем бумаги.

— Так, приказ есть... — задержался на одной из них.

— Все по форме, — нервно кашлянул военный, — как вы приказали.

— Хорошо. Ты все запомнил? Идешь со мной. Ты сидишь в машине, — обернулся к водителю. — Двигатель заглушить. Не привлекать внимания.

— Так нету здесь никого, коты только... — отозвался шофер, заметив мелькнувшего вдали темного ночного кота.

— Как выйдем из подъезда, багажник открыть, — начальник бросил на него злобный взгляд, но тут же обернулся к своему спутнику в военной форме, — пошли.

У входа в подъезд они остановились.

— Завтра этого... ушлешь. — Начальник говорил тихо, как будто их можно было услышать.

— В часть? Или... того? — замялся военный.

— Лучше того. Тупой, болтливый. Это твой прокол. Людей подбирать не умеешь. Доложить бы куда следует!

— Я исправлюсь! Все сделаю! — У военного затряслись руки. — И не пикнет больше, сволочь! Не повторится! Ты же меня знаешь.

— Знаю, — повернувшись, начальник уставился на него неподвижным тяжелым взглядом из-под фуражки, — знаю, потому и сказал. Другому бы не говорил. Сколько людей над делом работали. А тут...

Военный задрожал всем телом. Сделав вид, что не видит и не понимает его состояния, человек в фуражке усмехнулся и скомандовал:

— Пошли.

Они скрылись в дверях подъезда.

Пытаться уснуть было бессмысленно. Боль никуда не ушла, только стала острее. И, развернувшись к стене, Зинаида вдруг застонала от этой боли, которую в сотый раз принес повторяющийся жестокий сон. Затем откинула одеяло и села в постели, приложив холодные руки к пылающему лбу.

Занавески были раздвинуты. В этот раз она сделала так специально — так был виден собор. Он закрывал почти весь вид из окна, возвышаясь над миром и пряча от нее землю. Тень от каменных стен падала на ее пол.

На старом, вытертом паркете, чудом сохранившемся в ее комнате после девятнадцатого года, когда в топку в ужасные морозные зимы шло все — и мебель, и брусья комнатных перекладин, и паркет, — была видна четкая линия, всегда находящаяся в одном, строго определенном месте. Это ночная лампа на электрическом столбе рядом с домом отбрасывала тень. Зина привыкла к этой тени. Она жила с ней с самого детства. И это было единственным, что осталось неизменным.

Резко встав с постели, она переступила босыми ногами через черту и подошла к окну, чтобы прикоснуться к холодному стеклу разгоряченным лбом. В комнате было мучительно холодно, но Зина совсем не чувствовала этого, несмотря на то что от ее дыхания шел призрачный, белесоватый пар.

Эту привычку она сохранила с самого детства: вскакивать с кровати посреди ночи и прятаться в тени собора, если ей приснился плохой сон. Ей казалось, что это ее исцеляет, дает силы, и несмотря на все ночные кошмары, сердце ее рвалось к жизни, и она все еще сохраняла иллюзию, что все будет хорошо.

Ей снились коридоры медицинского института и выпускные экзамены, на каждом из которых она получала высший балл. Лучшая в группе. Самая лучшая. Всегда. Только она.

Как ее называл этот профессор?.. Имя его стерлось из памяти Зины жестокое время. «Гордость нашего курса! Ждет слава профессора Мечникова...» — и это все о ней. Как же тогда ей завидовали! Сон окунал ее в реальность — пережитое тогда ощущение счастья. А потом... Потом стол, заваленный папками с записями ее работы, с чертежами и графиками, со всем, чего больше не вернут. Никогда.

Собственно, именно это ощущение — ощущение того, что ничего больше нельзя вернуть, и было